

БАРАНОВ Даниил Александрович,

Старший преподаватель кафедры публичного права,
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: dann89818061715@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация. В статье исследуется цифровая образовательная среда вуза как юридически значимый и педагогически обусловленный механизм реализации права на высшее образование. Анализируется соотношение конституционных гарантий, норм Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (далее - Федеральный закон № 273-ФЗ), требований к электронному обучению и дистанционным образовательным технологиям, а также обязанностей образовательной организации по обеспечению качества, доступности и безопасности образовательного процесса. Особое внимание уделено нормативным конструкциям электронной информационно-образовательной среды, правам обучающихся на выбор формы обучения и участие в формировании содержания образования, а также компетенции университета в части выбора технологий обучения. Показано, что цифровая среда не сводится к технической платформе и должна рассматриваться как комплекс организационных, дидактических, правовых и коммуникативных условий, обеспечивающих реализацию образовательных прав. На основе анализа нормативных актов и научных публикаций российских правоведов сформулированы предложения по совершенствованию регулирования цифровой образовательной среды вуза.

Ключевые слова: высшее образование, цифровая образовательная среда, право на образование, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, педагогико-правовое регулирование.

BARANOV Daniil Alexandrovich,

Lecturer at the Department of Public Law,
St. Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

THE UNIVERSITY DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A FACTOR IN THE REALIZATION OF THE RIGHT TO HIGHER EDUCATION AND ITS DEVELOPMENT

Annotation. The article examines the digital educational environment of a university as a legally significant and pedagogically determined mechanism for realizing the right to higher education. The study analyzes constitutional guarantees, the norms of the Federal Law On Education in the Russian Federation, the requirements for e-learning and distance learning technologies, and the duties of educational organizations to ensure quality, accessibility, and safety of the educational process. Particular attention is paid to the legal structure of the electronic information and educational environment, students' rights to choose the form of study and participate in shaping the content of education, and university autonomy in selecting teaching technologies. The article shows that a digital environment is not limited to a technical platform and must be viewed as a complex of organizational, didactic, legal, and communicative conditions. Based on legal analysis and empirical data from Russian legal scholars, the article formulates proposals for improving the regulation of the university digital educational environment.

Key words: higher education, digital educational environment, right to education, e-learning, distance learning technologies, pedagogical and legal regulation.

Введение

Цифровая трансформация высшего образования представляет собой не только технологическое обновление, но и изменение правовой формы реализации конституционного права на образование. В современных условиях университет перестает быть исключительно пространством очного взаимодействия преподавателя и обучающегося, поскольку образовательный процесс все чаще осуществляется через электронные платформы, системы управления обучением, видеоконференцсвязь, цифровые библиотеки, сервисы идентификации и инструменты аналитики. При этом само по себе внедрение цифровых решений не означает автоматического расширения образовательных гарантий: правовая оценка должна исходить из того, обеспечивает ли цифровая среда фактическую доступность обучения, полноту освоения программы и надлежащую защиту прав обучающихся. Именно поэтому цифровая образовательная среда вуза подлежит рассмотрению одновременно как элемент образовательной политики и как особый объект правового регулирования, в рамках которого проявляется связь между конституционными гарантиями, организационной автономией университета и педагогическими механизмами освоения знаний.

Конституционная основа рассматриваемой проблемы закреплена в статье 43 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый имеет право на образование, а высшее образование может быть получено бесплатно на конкурсной основе в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии [1]. В цифровую эпоху указанная норма требует не буквального, а содержательного толкования, поскольку доступ к высшему образованию зависит не только от наличия бюджетного места, но и от возможности включиться в цифровую образовательную инфраструктуру. Существенное значение имеет и конституционный принцип равенства, закрепленный в статье 19 Конституции Российской Федерации, а также право свободно искать, получать, передавать и распространять информацию, предусмотренное статьей 29 Конституции Российской Федерации [1]. Следовательно, цифровая образовательная среда должна гарантировать не формальную регистрацию в системе и не номинальный доступ к личному кабинету, а реальную возможность пользоваться учебными ресурсами, участвовать в занятиях, выполнять задания и проходить аттестацию, что задает более высокий стандарт правового анализа.

Материалы и методы исследований

Системообразующим актом в данной сфере выступает Федеральный закон «Об образовании в

Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (далее - Федеральный закон № 273-ФЗ) [2]. Уже в статье 2 этого закона образование определяется как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также как совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции. Такое определение принципиально важно для цифровой трансформации, поскольку показывает: цифровая среда не является самостоятельной целью, она лишь способ организации процесса, результат которого измеряется не количеством загруженных материалов, а достижением образовательных результатов. Иначе говоря, если цифровизация приводит к снижению качества обратной связи, сокращению практических форм работы и формализации контроля, то она вступает в противоречие с самой логикой статьи 2 Федерального закона № 273-ФЗ, где образовательный процесс понимается как целостное и содержательное взаимодействие, а не как технический обмен файлами.

Наиболее значимая для цифровой образовательной среды норма содержится в статье 16 Федерального закона № 273-ФЗ, которая раскрывает понятие электронного обучения и дистанционных образовательных технологий [2]. Электронное обучение определяется как организация образовательной деятельности с применением информации, информационных технологий, технических средств и сетей связи, обеспечивающих взаимодействие обучающихся и педагогических работников, а дистанционные образовательные технологии - как образовательные технологии, реализуемые преимущественно с помощью сетей связи при опосредованном взаимодействии участников. В части 3 той же статьи установлено, что при реализации образовательных программ должны быть созданы условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей информационные технологии, технические средства, электронные ресурсы и учебно-методические материалы, а также обеспечивающей освоение программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся [2]. Однако указанная конструкция содержит и уязвимость: закон не расшифровывает минимальный качественный стандарт такой среды, не устанавливает единых требований к скорости доступа, отказоустойчивости, интерфейсу, цифровой доступности для инвалидов, срокам хранения учебных действий и процедурам подтверждения результатов, что оставляет значительный простор для локального нормотворчества и неравномерной практики.

Именно в этой точке проявляется значение статьи 28 Федерального закона № 273-ФЗ, закрепляющей автономию образовательной организации и ее компетенцию [3]. С одной стороны, университет свободен в определении содержания образования, выборе образовательных технологий и учебно-методического обеспечения, если иное не установлено законом. С другой стороны, та же статья возлагает на организацию обязанность обеспечивать реализацию образовательных программ в полном объеме, соответствие качества подготовки установленным требованиям, безопасность обучения, соблюдение прав обучающихся и создание специальных условий для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов [3]. Следовательно, автономия в цифровой среде не означает усмотрение, исключаящее правовые пределы; напротив, она предполагает повышенную ответственность за выбор платформ, сценариев взаимодействия, цифровых сервисов и способов контроля. Нельзя считать допустимой ситуацию, при которой университет формально декларирует внедрение цифровой среды, но фактически перекладывает на обучающегося все технические и организационные издержки доступа к ней.

Правовой статус обучающегося в цифровой среде конкретизируется статьей 34 Федерального закона № 273-ФЗ, которая предоставляет академические права на выбор организации, формы получения образования и формы обучения, обучение по индивидуальному учебному плану, участие в формировании содержания своего профессионального образования, выбор факультативных и элективных дисциплин, а также освоение других учебных предметов и программ, преподаваемых в иных организациях [4]. Эти положения особенно значимы для цифровой образовательной среды, поскольку она потенциально расширяет индивидуализацию траектории обучения, позволяет комбинировать дисциплины, использовать сетевые ресурсы и гибко выстраивать график освоения материала. Вместе с тем цифровизация способна ограничивать и автономию обучающегося, если цифровой регламент сводится к жесткому расписанию синхронных подключений, к системе постоянного мониторинга поведения или к технически сложным процедурам допуска к заданиям. Поэтому право выбора формы обучения в условиях цифровой среды должно пониматься как реальная возможность адаптации образовательной траектории, а не как декларативный пункт в локальном акте.

Для высшей школы важное значение имеет и то, как были переосмыслены подзаконные правила применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. В течение

длительного времени таким актом выступал Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.08.2017 № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» (далее - Приказ № 816) [5]. Его значение состояло в том, что он детализировал организационные условия использования электронных средств в образовательном процессе. Однако с 1 сентября 2023 года Приказ № 816 утратил силу, а с 1 сентября 2024 года вступили в действие новые Правила, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 (далее - Постановление № 1678) [6]. Данный переход имеет не только техническое, но и юридико-иерархическое значение: регулирование было поднято на уровень постановления Правительства Российской Федерации, что повысило нормативную устойчивость, но одновременно выявило необходимость более точной настройки правового механизма.

Постановление № 1678 установило порядок применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ, включая проведение учебных занятий, практик, текущего контроля, промежуточной и итоговой аттестации [6]. Это означает, что цифровая среда перестала быть исключительно вспомогательным инструментом и стала полноценным способом организации образовательного процесса. Вместе с тем новый подзаконный регламент не устранил принципиальный вопрос: какие именно качественные параметры должны считаться достаточными для признания цифровой среды соответствующей праву на образование. В нем по-прежнему недостаточно подробно урегулированы требования к прозрачности алгоритмов оценивания, резервированию данных, защите от технических сбоев во время аттестации, способам идентификации обучающегося и порядку оспаривания результатов, полученных с использованием цифровых платформ. Это создает ситуацию, в которой правовая допустимость модели определяется не содержанием федеральных гарантий, а уровнем организационной дисциплины конкретного вуза.

Результаты и обсуждения

Существенный пласт проблем связан с переходом от дистанционного инструмента к педагогически выверенной цифровой среде. С юридической точки зрения достаточно предусмотреть доступ к платформе и возможность коммуникации, однако для реализации права на высшее образование этого недостаточно. Образователь-

ный процесс в вузе предполагает не только передачу информации, но и формирование профессионального мышления, навыков аргументации, исследовательской культуры, способности к письменной и устной коммуникации. В цифровой среде эти результаты не возникают автоматически, а нуждаются в специальных дидактических механизмах: интерактивных модулях, синхронной и асинхронной обратной связи, проектных заданиях, кейс-методе, развернутой оценке ошибок и систематической работе с текстами. Поэтому педагогико-правовое развитие цифровой образовательной среды должно исходить из того, что право на высшее образование включает не только доступ к контенту, но и право на качественно организованное усвоение содержания.

Эта проблема особенно заметна в юридическом образовании, которое традиционно опирается на анализ нормативного материала, разбор правоприменительных ситуаций и формирование навыков юридической квалификации. Цифровая среда здесь позволяет расширить доступ к судебным актам, электронным базам законодательства, интерактивным тренажерам и системам моделирования правовых ситуаций, однако одновременно усиливает зависимость подготовки от технических средств и качества цифрового контента. В работе А. К. Голиченкова, М. В. Воронина, Н. А. Есипова и Ф. О. Чурилова подчеркивается, что цифровая образовательная среда юридического вуза должна рассматриваться как механизм реализации и инновационных образовательных практик, а не как простая цифровая оболочка привычных лекций [7]. Этот тезис имеет прямое правовое значение: если цифровая среда не меняет способ достижения образовательного результата, а лишь переносит традиционную лекционную модель в видеоконференцию, то ее правовая и педагогическая эффективность остается ограниченной.

Необходимо учитывать и эмпирические данные, показывающие изменение структуры юридического образования. Е. А. Драгомирова указывает, что доля студентов, получающих юридическое образование за счет бюджета, сократилась с 14,2% в 2013 году до 10,6% в 2021 году [11, 12]. Этот показатель важен не только для анализа рынка образовательных услуг, но и для понимания того, что доступность высшего образования все в большей степени зависит от сочетания финансовых, организационных и цифровых факторов. Если бюджетная составляющая снижается, то возрастает значение неценовых барьеров, среди которых цифровая готовность вуза становится одним из определяющих условий. Следовательно, цифровая образовательная среда должна компенсировать, а не усиливать социальную диффе-

ренциацию обучающихся, иначе формальное право на высшее образование будет утрачивать фактическое содержание.

Тот же исследовательский массив показывает и изменение соотношения между спросом на юридическое образование и его фактическим приемом. По данным Е. А. Драгомировой, в 2013 году соотношение числа заявлений и приема составляло 6,1% против 5,6%, а в 2020 году - уже 8,9% против 6,1% [11]. В другом исследовании Е. А. Драгомирова отмечает, что юридическое направление сохраняло третью позицию среди всех уровней высшего образования: 8,9% среди бакалавриата, 10,1% среди специалитета и 12,9% среди магистратуры [13]. В совокупности эти данные свидетельствуют о высокой устойчивости спроса на юридическое образование, а значит, и о необходимости надежной цифровой инфраструктуры, способной обслуживать значительные потоки обучающихся без снижения качества обратной связи и контроля. Увеличение объема контингента при переходе в цифровой формат делает особенно острой проблему стандартизации платформ и единообразия требований к электронным ресурсам.

Одновременно цифровая образовательная среда обнажает проблему равного доступа. Статья 34 Федерального закона № 273-ФЗ прямо закрепляет право обучающихся на условия обучения с учетом особенностей психофизического развития и состояния здоровья, включая социально-педагогическую и психологическую помощь, а также бесплатную психолого-медико-педагогическую коррекцию [4]. Эти положения не могут быть сведены к очному инклюзивному сопровождению, поскольку цифровая среда требует специальных решений для обучающихся с нарушениями зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата, а также для тех, кто нуждается в альтернативных форматах восприятия информации. При этом статья 16 Федерального закона № 273-ФЗ говорит о функционировании электронной информационно-образовательной среды, но не раскрывает минимальный стандарт ее доступности в смысле цифровой инклюзии [2]. В результате университеты зачастую ограничиваются технической формулой наличия личного кабинета и видеолекций, хотя право на образование предполагает намного более широкую обязанность приспособления среды к особенностям обучающегося.

Особой юридической оценки требует вопрос о персональных данных и информационной безопасности. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (далее - Федеральный закон № 152-ФЗ) устанавливает, что обработка персональных данных должна осу-

ществляться на законной и справедливой основе, ограничиваться достижением заранее определенных законных целей и не допускать избыточности по отношению к этим целям [8]. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее - Федеральный закон № 149-ФЗ) в статье 16 требует принятия правовых, организационных и технических мер, направленных на защиту информации от несанкционированного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования и распространения [9]. Для цифровой образовательной среды это означает, что университет не вправе безусловно переносить обучение на любую платформу только потому, что она удобна педагогически; он должен оценить режим обработки данных, место хранения информации, доступ подрядчиков к массивам данных, порядок резервного копирования и последствия технического сбоя. Иначе цифровизация превращается в источник новых правовых рисков для обучающихся.

В цифровой среде возрастает также значение локального нормотворчества образовательной организации. Именно на уровне локальных актов закрепляются правила доступа к платформам, требования к идентификации, порядок сдачи текущих заданий, допустимые сроки ответа преподавателя, режим записи онлайн-занятий и условия пересдачи в случае технического сбоя. Однако локальный нормативный акт не может подменять федеральную гарантию и ограничивать академические права обучающегося сверх того, что допустимо законом. Если, например, внутреннее положение связывает допуск к аттестации исключительно с непрерывным присутствием в видеоконференции без учета объективных перебоев связи, такая конструкция может вступать в противоречие с принципом обеспеченности освоения образовательной программы в полном объеме независимо от места нахождения обучающегося, закрепленным в статье 16 Федерального закона № 273-ФЗ [2]. Соответственно, педагогическая дисциплина цифрового процесса должна сочетаться с процедурными гарантиями защиты от формализма и технически обусловленного ограничения права на образование.

Отдельного внимания заслуживает оценка качества обучения в цифровой среде. В статье 28 Федерального закона № 273-ФЗ прямо указана обязанность образовательной организации обеспечивать соответствие качества подготовки обучающихся установленным требованиям и осуществлять внутреннюю систему оценки качества образования [3]. Это означает, что цифровизация должна сопровождаться не только внедрением

платформ, но и разработкой валидных методик контроля результатов, критериев оценки самостоятельной работы, механизмов выявления плагиата и процедурной защиты обучающегося при споре о результатах аттестации. Переход к электронному контролю без методической проработки приводит к тому, что формально измеряется не качество усвоения, а способность технически пройти тест или избежать сбоя при идентификации. В юридическом смысле такой подход снижает степень достоверности аттестации, а в педагогическом - ослабляет развивающую функцию обучения.

Слабое место действующего регулирования состоит и в том, что оно пока не закрепляет достаточно определенный стандарт цифровой образовательной среды университета как целостного института. Закон оперирует категориями электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, но не раскрывает, как соотносятся эти формы с использованием искусственного интеллекта, аналитики учебных действий, адаптивных курсов, рекомендательных систем и электронных портфолио. Между тем подобные инструменты уже фактически применяются в высшей школе и меняют не только способ доставки учебного материала, но и характер педагогического взаимодействия. С правовой точки зрения это требует ответа на вопросы о границах автоматизированного принятия решений, о допустимости скрытого мониторинга активности обучающегося, о праве на объяснение результатов алгоритмической оценки и о возможности обжаловать действия цифровой системы. Поскольку в Федеральном законе № 273-ФЗ такие вопросы не урегулированы прямо, именно подзаконное и локальное регулирование должно быть приведено к более высокой степени определенности.

Именно поэтому перспективы развития цифровой образовательной среды вуза следует связывать с переходом от простого внедрения технологий к нормативно обеспеченной педагогической модели. Университету необходимо не только предоставлять доступ к контенту, но и выстраивать цифровую дидактику, основанную на поэтапном освоении материала, интерактивных заданиях, регулярной обратной связи и разумном сочетании синхронных и асинхронных форм работы. На уровне права это означает обязанность образовательной организации локализовать в своих актах минимальные стандарты доступности платформ, режимы технической поддержки, регламенты оценки и восстановления доступа при сбое, а также правила защиты персональных данных и академической добросовестности. Такие механизмы не подменяют федеральное регулирова-

ние, но наполняют его содержанием и превращают цифровую образовательную среду из декларации в действующий правовой инструмент.

Наряду с этим требуется устранить терминологическую и нормативную фрагментарность. Действующий Федеральный закон № 273-ФЗ использует разные по смыслу и уровню детализации конструкции, относящиеся к электронному обучению, дистанционным технологиям и электронной информационно-образовательной среде, однако не формирует единого понятийного каркаса для цифровой образовательной среды вуза как самостоятельного объекта правового обеспечения [2]. На практике это приводит к тому, что одни университеты подменяют цифровую среду набором электронных ссылок, а другие строят полноценные образовательные платформы с нормативно закреплёнными процессами сопровождения студента. Поэтому будущая регламентация должна закрепить в федеральном законе или в подзаконном акте признаки цифровой образовательной среды: наличие устойчивой информационной архитектуры, доступность учебных материалов, цифровую инклюзию, защищённую коммуникацию, верифицируемую аттестацию и возможность педагогического сопровождения в индивидуальном режиме.

В заключение следует отметить, что цифровая образовательная среда вуза стала не вспомогательным, а структурообразующим фактором реализации права на высшее образование. Её значение проявляется в расширении доступности обучения, в возможности гибкого выбора форм и траекторий, в усилении междисциплинарных и сетевых моделей, а также в создании новых каналов взаимодействия между обучающимся и преподавателем.

Вместе с тем без нормативной конкретизации стандартов доступности, без усиления гарантий защиты персональных данных, без процедурной регламентации аттестации и без педагогически выверенных цифровых практик такая среда может воспроизводить неравенство и формализм. Следовательно, прогноз развития состоит в том, что законодатель будет вынужден последовательно уточнять содержание статьи 16 Федерального закона № 273-ФЗ, пересматривать подзаконные правила применения цифровых технологий и усиливать требования к локальным актам вузов. Наиболее обоснованным направлением совершенствования представляется закрепление обязательного минимального стандарта цифровой образовательной среды, введение единых требований к её доступности для обучающихся с особыми образовательными потребностями, установление процедурного режима оспаривания цифро-

вой аттестации и нормативное определение ответственности вуза за недостатки цифровой инфраструктуры, поскольку именно через такие меры право на высшее образование сможет получить устойчивую реализацию в условиях дальнейшей цифровой трансформации.

Следует отдельно подчеркнуть, что цифровая образовательная среда вуза затрагивает и статус педагогического работника. В силу статьи 47 Федерального закона № 273-ФЗ преподаватель наделён академическими правами, в том числе правом на творческую инициативу, выбор форм и методов обучения, свободное выражение мнения о содержании образования и использовании учебников и пособий [2]. Однако цифровая среда нередко ограничивает этот профессиональный статус стандартизированными шаблонами, обязательными сценариями занятий и жестко заданными электронными модулями. Если педагог превращается в оператора платформы, а не в самостоятельного субъекта образовательного взаимодействия, это ослабляет качественную составляющую обучения. Поэтому правовое развитие цифровой среды должно учитывать и гарантию педагогической автономии: цифровизация допустима лишь тогда, когда она усиливает методическую свободу и не подменяет её административной автоматизацией.

Важным направлением развития является использование сетевой формы реализации образовательных программ, предусмотренной Федеральным законом № 273-ФЗ [2]. Цифровая среда позволяет подключать к подготовке студентов ресурсы библиотек, научных центров, партнёрских университетов, профессиональных сообществ и работодателей, однако такая интеграция требует четкого распределения ответственности между участниками сети. При отсутствии ясного договора о сетевом взаимодействии обучающийся рискует оказаться в ситуации, когда отдельные элементы программы реализуются разными организациями, но порядок контроля, перезачета результатов и обеспечения доступа к ресурсам остается неопределённым. Следовательно, развитие цифровой образовательной среды должно сопровождаться стандартизацией сетевых соглашений, включая описание прав и обязанностей сторон, механизмов обмена данными и порядка разрешения конфликтов по поводу результатов обучения.

Проблема академической добросовестности в цифровой среде приобретает самостоятельное юридическое значение. Массовое применение дистанционных форм, автоматизированной проверки и удалённой аттестации усиливает соблазн использовать чужие материалы, скрытые

каналы коммуникации и технические средства обхода контроля. В этой связи университет обязан не только выявлять нарушения, но и предусматривать в локальных актах соразмерные процедуры проверки, уведомления и защиты от произвольных решений. Недопустимо, чтобы подозрение в нарушении приводило к автоматическому негативному результату без возможности представить объяснения и доказательства отсутствия вины. Таким образом, цифровая среда требует включения в образовательное право элементов процессуальной справедливости, поскольку именно она обеспечивает легитимность электронного контроля и доверие к результатам аттестации.

Выводы

С точки зрения дальнейшего развития педагогико-правовой модели наиболее перспективным представляется закрепление в нормативных актах трех уровней требований. Первый уровень должен описывать обязательные технические характеристики цифровой среды, включая устойчивый доступ, резервирование, защиту данных, альтернативные каналы коммуникации и цифровую доступность. Второй уровень должен относиться к педагогическим параметрам: обязательная обратная связь, допустимый объем самостоятельной работы, формы интерактивного сопровождения, требования к материалам, адаптированным для разных категорий обучающихся. Третий уровень должен регулировать процедурные гарантии: порядок идентификации, сроки устранения технических сбоев, возможность повторной сдачи при объективной помехе, механизм обжалования цифровых действий и контроль за соблюдением прав обучающегося. Такое разграничение позволило бы перевести цифровую образовательную среду из сферы общих деклараций в сферу юридически проверяемых обязательств.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.
- [2] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2012. - № 53 (ч. 1). - Ст. 7598.
- [3] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (ч. 1). - Ст. 3448.
- [4] О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (ч. 1). - Ст. 3451.
- [5] Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ: Постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2023. - № 42. - Ст. 7509.
- [6] Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 августа 2017 г. № 816 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - 2017. - № 39.
- [7] Краснова Г. А., Полушкина А. О. Цифровизация права на образование // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Информатика и информатизация образования». - 2021. - № 3 (57). - С. 90-99.
- [8] Ершова И. В., Енькова Е. В. К вопросу о реализации права на образование в цифровой среде университета // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2021. - № 4 (80). - С. 105-114.
- [9] Абдусаламов Р. А. Правовое регулирование использования информационных технологий в сфере высшего образования в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2023. - № 2 (102). - С. 34-41.
- [10] Голиченков А. К., Воронин М. В., Есипов Н. А., Чурилов Ф. О. Цифровая образовательная среда юридического вуза: механизм реализации и инновационные образовательные практики // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. - 2021. - № 2. - С. 3-21.
- [11] Драгомирова Е. А. Юридическое образование: статистический анализ тенденций // Современное педагогическое образование. - 2021. - № 6. - С. 88-95.
- [12] Драгомирова Е. А. Трансформация юридического образования: оценка структуры и динамики статистических показателей // Современное педагогическое образование. - 2022. - № 7. - С. 168-172.
- [13] Драгомирова Е. А. Юридическое образование как составная часть единой российской системы высшего образования // Современное педагогическое образование. - 2023. - № 7. - С. 21-25.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2014. - № 31. - Art. 4398.

[2] On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2012. - No. 53 (part 1). - Art. 7598.

[3] On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3448.

[4] On Personal Data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3451.

[5] On approval of the Rules for the use of e-learning by organizations engaged in educational activities, distance learning technologies in the implementation of educational programs: Decree of the Government of the Russian Federation of October 11, 2023 No. 1678 // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2023. - № 42. - Art. 7509.

[6] On approval of the Procedure for the use by organizations engaged in educational activities of e-learning, distance learning technologies in the implementation of educational programs: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian

Federation of August 23, 2017 No. 816 // Bulletin of regulatory acts of federal executive bodies. - 2017. - № 39.

[7] Krasnova G. A., Polushkina A. O. Digitalization of the right to education // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Informatics and informatization of education." - 2021. - № 3 (57). - S. 90-99.

[8] Ershova I.V., Enkova E.V. On the implementation of the right to education in the digital environment of the university // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). - 2021. - № 4 (80). - S. 105-114.

[9] Abdusalamov R. A. Legal regulation of the use of information technologies in the field of higher education in the Russian Federation // Bulletin of O. E. Kutafin University (MSLA). - 2023. - № 2 (102). - S. 34-41.

[10] Golichenkov A.K., Voronin M.V., Esipov N.A., Churilov F.O. Digital educational environment of a legal university: implementation mechanism and innovative educational practices // Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. - 2021. - № 2. - S. 3-21.

[11] Dragomirova E. A. Legal education: statistical analysis of trends // Modern pedagogical education. - 2021. - № 6. - S. 88-95.

[12] Dragomirova E. A. Transformation of legal education: assessment of the structure and dynamics of statistical indicators // Modern pedagogical education. - 2022. - № 7. - S. 168-172.

[13] Dragomirova E. A. Legal education as an integral part of the unified Russian higher education system // Modern pedagogical education. - 2023. - № 7. - S. 21-25.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.